

ким» даже с точки зрения людей, ее населяющих, но это «дикость» морального порядка, край нравственной нормы и беззакония, рубеж гуманистической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин Д. Н. Слухи и вести о Сибири до Ермака // Цит. по: Лукоморье: Литературная хрестоматия. Тюмень, 1997. С. 269–270.
2. Бушинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд // Бушинский П. Н. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 5–78.
3. Водолазкин Е. Г. О «людяхъ дивныхъ» древнерусских хронографов // Русская литература. 1998. № 3. С. 131–147.
4. Геродот. История // Историки Греции. М., 1976. С. 27–165.
5. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.
6. Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 137–223.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
8. Мачтет Г. А. Мы победили // Страна без границ. Тюмень, 1998. Т. 1. С. 133–151.
9. Некрасов Н. А. Три страны света // Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1984. Т. 9. Кн. 2.
10. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 13–135.
11. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. М.; Л., 1950. Ч. 1.
12. Словоцов П. А. Письма из Сибири 1826 года // Словоцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. С. 5–64.
13. Тобольские губернские ведомости. 1865. № 1. 2 января.
14. Тобольские губернские ведомости. 1865. № 10. 6 марта.
15. Цветаева М. И. Сибирь // Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 3. Кн. 1. С. 185–188.
16. Шарапов С. Памяти Н. М. Чукмалдина // Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С. 119–126.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

Людмила Ильинична Крекнина
РУССКИЙ «КАРБОНАРИЙ»
В. А. ПОДЖИО
В ПЕРИОД СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ
1840–1850-х ГОДОВ

Статья посвящена опальному декабристу А. В. Поджио, жизнь и творчество которого рассматриваются в историко-культурном контексте эпохи.

В многочисленной научной и научно-популярной литературе о декабризме имя В. А. Поджио не забыто, а благодаря иркутским ученым Н. П. Матхановой, С. В. Житомирской, И. Д. Ковальченко, М. Д. Сергееву и др. [Поджио 1989:2] в 1989 году вышло однотомное собрание его записок и писем (главный источник данной статьи). Поджио не был профессиональным писателем, как многие декабристы, и не оставил глубокого следа в литературе, но его «история» является частью «апологетической романтической легенды» о декабристах, созданной Н. А. Бестужевым о К. Ф. Рылееве и развитой в работах А. И. Герцена, Н. П. Огарева [Архипова 1987:4]. Действительно, Герцен, вспоминая о встрече с Поджио в Лондоне, называет его и С. Г. Волконского «титанами» [Герцен 1965:9].

Предлагаемая статья не ставит целью развенчание этой легенды, ибо была и другая — критически уничижительная в «Записках» Н. И. Греча. И обе они —

официально признанные, литературные, вспомнить, хотя бы поэму Н. А. Некрасова «Дедушка» о Волконском. Нас интересует поведение Поджио сибирского периода как феномен социально-исторический и культурный. Бытовое повседневное поведение декабриста в том смысле, как рассматривал его Ю. М. Лотман в известной статье, когда отменялась иерархичность поведения и поступки приобретали знаковый, эталонный характер [Лотман 1988:165]. Как сибирские обстоятельства повлияли на эволюцию поведения декабриста и какое место занимала в этом христианская традиция? (Евангелие, подаренное женой декабриста каторжнику Достоевскому, сыграло, по известным его словам, спасительную роль).

О высокой христианской упорядоченности поведения Поджио свидетельствуют его сибирские письма 1840 — начала 1850-х годов, единственное стихотворение, не вошедшее в самую позднюю по времени издания декабристскую поэтическую антологию «Из искры возгорится пламя» (М., 1985), и воспоминания его воспитанника Н. А. Белоголового [Белоголовый 1986:39]. «Записки», написанные Поджио вне сибирского пребывания во второй половине 1860-х годов и представляющие более политический трактат, нежели мемуары, привлекаются частично.

Принципиально интересна мысль Поджио в «Записках», сближающая его с покаявшимся итальянским карбонарием Сильвио Пеллико, произведение которого одобрительно рецензирует Пушкин в «Современнике» в 1836 году. Заявляя о консервативности народа России, его чуждости революции, Поджио высказывает надежду на перспективы развития страны: «Нет, не указ нам старина! И не жить нам чужим умом. Всякому свое и в свое время!... мы осушим все смрадные нечистоты, накопившиеся в административных завалах; пробьем такую же просеку сквозь сомкнутые ряды чиновничества, непотребного этого люда; и, наконец, уравнением прав всех и каждого, мы проложим себе посредством прямого представительства тот новый путь, самим Богом нам предназначенный к новой жизни. Отвергать эту цель... отвергать бы надо самое божество!!» [Поджио 1989:139]. Как и итальянский карбонарий, русский декабрист отвергает путь насилия, предпочитая ему Евангельскую свободу, изначально данную человеку. По его словам, это «самим Богом предназначенное нам... уравнение прав всех и каждого».

О подобном христианском соединении равноправных начал как силе будущей России мечтал и А. С. Хомяков в речи «О старом и новом» (1839) [Крекнина 1997:19]. О христианском трудничестве пишет Некрасов в поэме «Железная дорога» и других поэмах, представляя народный идеал христианства и мечтая соединить его с социалистическим [Лебедев 1996:14]. Дедушка Волконский в некрасовской поэме рассказывает внуку о сибирском чуде свободного крестьянского труда как сбывшейся реальности. Чем же занимается в Сибири покаявшийся преступник первой категории А. В. Поджио?

В период сибирского поселения он пробует себя в разных сферах, о чем свидетельствуют его письма И. И. Пущину, В. К. Кюхельбекеру, С. П. Трубецкому, С. Г. Волконскому и воспоминания его воспитанника Н. А. Белоголового. Вращавшийся до 1826 года в кругу декабристской интеллектуальной элиты: с П. Я. Чаадаевым, К. Ф. Рылевым, П. И. Пестелем, Н. М. Муравьевым и др., — Поджио в Сибири перепиской пытается восстановить круг общения среди оставшихся. «Живой, страстный характер Александра Викторовича теперь уравновешивается большой терпимостью», — свидетельствует Н. А. Белоголовый [Поджио 1989:472].

Сочувствуя одиночеству декабриста А. Ф. Фролова, находившегося в Шушенском, Поджио подробно рассказывает ему о выгодах земледелия и высоких прибылях от огородничества, когда дыни и арбузы десятинами сбываются в

Красноярск, и советует разводить кукурузу с арнауткой (сорт твердой пшеницы). Правда, ссылается он при этом не на собственные успехи, а на «выходцев из Малороссии» [Поджио 1989:150].

В письме к И. И. Пущину он сетует на недостатки собственных усилий в воспитании и образовании М. С. Волконского-младшего без участия самого Пущина, хотя отдает этому все свое время [Поджио 1989:152]. Такую страстную увлеченность Поджио воспитанием молодежи Н. А. Белоголовый объясняет общим стремлением декабристов не замыкаться «между собою в тесный кружок», а стремлением «найти себе практическую деятельность по душе и пристроиться к какому-нибудь делу на пользу края, где они были обречены искупать свою вину, а эта деятельная жизнь не позволяла им расплываться в бесплодных сокрушениях о загубленной судьбе и ожесточаться и, привлекая к ним глубокие симпатии и уважение со стороны туземного населения, которые они не могли не замечать на каждом шагу, напротив, более или менее примиряли большинство из них с их сибирским настоящим» [Белоголовый 1986:44]. Мемуары воспитанника декабриста отражают в этом случае массовое восприятие сибиряков.

Наставническую деятельность (собственно предметное обучение и ужение рыбы, охоту) Поджио сочетает с активным участием в судьбах декабристов: А. Ф. Фролову советует заняться огородничеством (об этом — выше), В. К. Кюхельбекеру помогает распространять его сочинения, пытается войти в его финансовые нужды. Неудачную распродажу книг Кюхельбекера Поджио объясняет «оторванностью от какой бы то ни было культурной жизни здесь» и сразу предлагает коммерческий деловой вариант с посылкой их на Нижегородскую ярмарку: «...продавать их там со скидкой, как это делается с сочинениями Марлинского, Пушкина и др.» [Поджио 1989:152]. Следующие далее рассуждения о шубе для Кюхельбекера раскрывают полное финансовое фиаско и Поджио, и Кюхли.

Подсчеты напоминают титанические усилия гоголевского Акакия Башмачкина с шитьем шинели. Письмо датировано июлем 1845 года, когда «Шинель» была уже опубликована, но прочитана ли? Вряд ли Поджио имел собрание сочинений Гоголя, где впервые в 1842 году была напечатана «Шинель»: «За лисий мех, только что купленный одной немкой (а вы знаете, что такое немка в подобных случаях), итак, за мех весьма низкого качества было заплачено сто восемьдесят рублей. Прибавьте к этому воротник, материю, которую не достанешь дешевле, чем за сто рублей, и работу — все вместе обойдется свыше четырехсот рублей — сумма, очень большая для состояния ваших финансов и на которую, я полагаю, вы не рассчитывали» [Поджио 1989:153]. В итоге и гоголевский Башмачкин, и Кюхля остаются без шинели.

Самое серьезное участие Поджио «в делах на пользу края» — это их с С. П. Трубецким попытка разработать и содержать золотоносные прииски вместе с золотопромышленником М. Г. Рукавишниковым и купцом А. В. Белоголовым, но, по словам Поджио, «золото нам не в руку, и Господь того не хочет!» [Поджио 1989:216]. Трудности и неудачи преследуют его: «Вообще надо сказать, что дело по-нашему не делают: золото дает золото, у меня же, право, не только золота, не только бумажек, уж и меди нет. Как я извернусь, право, не знаю» [Поджио 1989:211]. К 1859 году взносы от пайщиков перестали поступать, и приисковое товарищество распалось. Рыцарски-донкихотское покорение богатств Сибири не состоялось, как и попытка тургеневского Рудина сделать реку судоходной. Последние годы жизни Поджио, как и Рудин, проводит за границей, общаясь с Герценом и оставаясь верным «поклонником истины святой» [Поджио 1989:146].

«Святая истина» для Поджио — высокая христианская преданность идеалу свободы народной, вера в него и стремление к нему:

*Нет, нет, я твой, я не отступник,
И полный веры молодой,
Я старый тот же все преступник,
Поклонник истины святой.*

[Поджио 1989:146]

Народно-христианское восприятие жизни, труда сближает Поджио в Сибири и с западниками, и со славянофилами и делает идеальным героем массового культурного сознания, которое отразилось в воспоминаниях его воспитанника Н. А. Белоголового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987.
2. Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // В потомках ваше племя оживет... Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 9—61.
3. Герцен А. И. Собр. Соч.: В 30 т. М., 1954—1965. Т. 28.
4. Крекнина Л. И. Христианско-мифологическая традиция в русской литературе 30-40-х годов XIX века. Тюмень, 1997.
5. Лебедев Ю. В. «Наш любимый, страстный к страданию поэт» // Литература в школе. 1996. № 6. С. 4—18. 1997. № 1. С. 34—44.
6. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 158—205.
7. Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989.

